

ОВЬ СЕРЕБРЯНОГО ВЕ

румит вороназ

Румит Вораназ

Кровь Серебряного века

<https://litres.ru/74279437>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1911 года. В родовую усадьбу Горелово приезжает загадочный гость из Петербурга — Михаил. Он красив, бледен и цитирует Блока. Но Елена чувствует: за его улыбкой скрывается ледяная вечность. Он — «белый» вампир, проклятый жить во тьме, а она — реинкарнация Агафьи, актрисы, сгоревшей в театре двадцать лет назад.

Их любовь вспыхивает как пламя, но на пути встаёт князь Долгорукий — древнее зло, брат Михаила, который жаждет не только власти, но и крови Елены. Чтобы спасти любимого, она соглашается стать невестой чудовища. Однако за этой жертвой — тайный план: найти способ уничтожить Долгорукого и снять проклятие.

Роман о страсти сильнее времени, о выборе между бессмертием и человечностью, о пожаре, который сжигает театр, но не может уничтожить любовь. Смогут ли двое влюблённых разорвать цепь крови и пепла, или Серебряный век станет их последней декорацией?

Содержание

ПРОЛОГ "Пепел театра"	4
Гость из Петербурга	11
Маскарад теней	23
Охота в сумерках	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Румит Вораназ

Кровь Серебряного века

ПРОЛОГ "Пепел театра"

Москва, ночь с 14 на 15 августа 1887 года

Он горел так, как горят только театры — с надрывом, с последней арией, с хрустальным звоном люстр, которые рушились в партер, словно звёзды, уставшие держаться на небе. Чёрный дым валил из-под купола, но сквозь него всё ещё пробивался свет — багровый, как кровь, смешанная с шампанским. Запах горелого бархата, лака и старого дерева смешивался с ароматом духов «Сакура» — ими пахла Агафья, когда выбегала на сцену на поклон.

Оркестр не замолкал. Странное дело: дирижёр уже давно сбежал, пульт опрокинут, ноты разлетелись по яме, но скрипки и виолончели будто играли сами. Вальс «Воспоминание» — тот самый, что он заказал для неё специально. Михаил стоял посреди царской ложи, залитой пламенем, и смотрел, как алебастровые колонны покрываются трещинами, как обои с золотыми лилиями сворачиваются в трубочки и падают на ковёр, превращаясь в угли.

Он искал её глазами. Внизу, в проходах, метались люди — кричали, падали, давили друг друга. Кто-то в костюме Ме-

фистофеля пытался выломать дверь, кто-то в белом парике стоял на коленях и молился иконе, которая уже почернела от копоти. Но Михаил не видел никого. Только одну фигуру — у самой рампы, среди осколков софитов.

Она лежала на спине, как будто просто решила отдохнуть после трудного монолога. Белое платье было испачкано сажей, а на груди — алое пятно, которое с каждой секундой становилось шире, растеклось по кружеву, словно нераспустившаяся роза. Волосы — русые, заплетённые в корону — рассыпались по паркету, смешиваясь с золотыми блёстками из конфетти.

— Агафья! — крикнул он, но голос его потонул в треске балок. Он прыгнул вниз, не чувствуя высоты, не чувствуя боли от горячего металла, не чувствуя ничего, кроме пустоты, которая разверзалась в груди. Он бежал по проходу, отшвыривая обгоревшие стулья, и когда он упал перед ней на колени, она уже не дышала.

Но глаза её были открыты. Голубые, как лёд на Москвереке в декабре. Она смотрела на него, и в зрачках отражалось пламя, и там, в глубине, он видел свой собственный страх. Он схватил её за руку, прижался губами к её пальцам, ещё тёплым, и почувствовал, как пульс под кожей затихает, как уходит жизнь — капля за каплей, как вино из опрокинутого бокала.

— Я здесь, — прошептал он. — Я пришёл. Прости меня, я опоздал.

Агафья шевельнула губами. Её голос был тонок, как струна, которая вот-вот лопнет.

— Ты обещал мне вечность, Миша... — выдохнула она. — А дал только смерть. Зачем ты подарил мне эту кровь, если не мог уберечь?

Он не знал, что ответить. Он ведь дал ей свою кровь два года назад, когда она умирала от чахотки — он спас её, превратил, подарил бессмертие. И теперь, в этом аду, он не мог спасти её от огня, от случайной пули, от того, что кто-то — он знал, кто — поджёт театр, чтобы стереть её из мира, чтобы сделать ему больно.

— Я найду тебя, — прошептал он, прижимая её к груди. — Клянусь, Агафья, я найду твою душу в другом теле, в другом времени. Я не дам тебе уйти.

Она улыбнулась — слабо, с болью — и её веки дрогнули, закрываясь. Последняя слеза скатилась по щеке, смешиваясь с кровью, и упала на его ладонь, обжигая, словно кислота.

— Слишком поздно, — прошелестела она. — Ты уже потерял меня... навсегда.

И замолчала.

*Флэшбэк. Два года назад. Та же сцена, но живая, залитая светом софитов, полная аплодисментов. 1885 год, премьера «Снегурочки» в этом же театре. Михаил сидит в ложе, сжимая в руке программу, и смотрит на неё — на Агафью, что выходит на поклон, раскрасневшуюся, счастливую, ещё жи-

вую. Она кланяется, поднимает глаза вверх, и встречает его взгляд. Улыбается. Ему кажется, что она видит его насквозь — сквозь бархат портьер, сквозь столетия, которые он уже прожил.

Он тогда спустился за кулисы. Он нашёл её в гримуборной, где пахло гримом и пудрой, где висели кружевные наряды и лежали букеты — и среди них, на туалетном столике, она сидела, снимая парик, и напевала ту самую мелодию, что играл оркестр.

— Кто вы? — спросила она, не оборачиваясь. — Я не слышала шагов.

— Я тот, кто пришёл за вами, — сказал он, и его голос дрогнул. — Вы — самая прекрасная Снегурочка, какую я видел за сто лет.

Она рассмеялась — звонко, как ручей. Повернулась, и он увидел её глаза — те самые, голубые, живые, — и понял, что пропал. Что готов отдать всё — свои годы, свою силу, свою вечность, — лишь бы она смеялась так всегда.

— За сто лет? — переспросила она, прищурившись. — Вы, барин, должно быть, шутник.

— Я не шучу, — ответил он, и шагнул к ней, и коснулся её руки, и она не отдёрнула, а замерла, как будто узнала его из сна. — Я пришёл подарить вам вечность.

Она не поверила. Но он показал ей — показал, как тьма подчиняется ему, как он может остановить время, как он может выпить боль. И она не испугалась. Она только сказала:

«Тогда научи меня не бояться смерти». И он научил.

Но теперь она умирала у него на руках, а он не мог ничего сделать.*

Пламя сгущалось. Балка рухнула слева, отрезая путь к выходу. Михаил поднял Агафью на руки, лёгкую, как ребёнок, и пошёл сквозь огонь, не чувствуя, как горела его кожа, как плавился перстень на пальце, как обугливались волосы. Он не был бессмертным в этот миг — он был просто человеком, который терял всё.

Он вышел на улицу, где уже стояли пожарные, где кричали зеваки, где сверкали фонари и кареты «скорой помощи». Он опустил Агафью на мостовую, на холодный гранит, и встал на колени.

— Ты обещал мне вечность, — повторил он её слова, как заклинание. — Я нарушил обещание. Но я найду тебя. Я буду искать, пока не сгорит этот мир, пока не погаснут звёзды. Я вырву тебя из рук смерти.

Он наклонился и поцеловал её в лоб — в последний раз, пока она была ещё тёплой. А затем поднялся, и повернулся, и ушёл в ночь, оставляя за спиной догорающий театр, оставляя пепел и воспоминания.

Лето 1911 года. Усадьба Горелово, губерния Орловская. Тишина. Только кузнечики стрекочут в траве, да где-то вдалеке пастух играет на жалейке. Липы в цвету, пахнет мё-

дом и полынью. Солнце клонится к закату, бросая длинные тени от белых колонн старого дома.

Елена Вознесенская сидела на резной скамье под старым вязом. Книга лежала у неё на коленях — томик Лермонтова, открытый на «Демоне». Она перечитала эти строки сто раз, но сегодня они звучали иначе, будто кто-то шептал их за её спиной.

«И вечностью в объятья наши...» — прошептала она, и ветер вдруг подхватил слова, унося их вверх, к облакам. Страницы взметнулись, захлопали, и она зажала их ладонью, но один лист выскользнул и упал на землю, усыпанную лепестками яблонь.

Она нагнулась, чтобы поднять его, и вдруг почувствовала — кожей, затылком, каждой нервной клеткой — что на неё смотрят. Чужой, тяжёлый, пронизывающий взгляд. Она резко обернулась.

Никого. Только аллея пуста, только кусты сирени неподвижны, только стрекоза застыла в воздухе, как маленький изумруд.

— Мерещится, — прошептала Елена и провела рукой по лицу. — С ума схожу от тоски.

Она взяла книгу, закрыла её и прижала к груди. Сердце билось слишком быстро, и она не знала почему. Может быть, от предчувствия. Может, от того, что в воздухе пахло грозой, хотя небо оставалось чистым.

Она не знала, что в эту самую минуту, за поворотом, у

въезда в усадьбу, остановилась карета, обитая чёрной кожей. Из неё вышел высокий мужчина в дорожном пальто и цилиндре. Он снял перчатку, оглядел парк, и его взгляд остановился на скамье, на фигуре девушки в белом платье.

— Агафья... — выдохнул он одними губами, и в его глазах, серых, как пепел, зажглась надежда, такая же древняя, как он сам. — Я нашел тебя.

Он шагнул вперёд, и за его спиной захлопнулась дверца кареты, и где-то в вышине хрипло каркнул ворон. Лето клоунилось к осени. И над всем этим витала музыка — всё тот же вальс «Воспоминание», который он не слышал уже двадцать четыре года, но который не умолкал в его душе ни на секунду. 1

Гость из Петербурга

Утро в Горелово начиналось с крика петухов и запаха парного молока, который поднимался от скотного двора вместе с туманом. Елена Вознесенская открыла глаза, когда солнце только золотило шпиль старой колокольни, видневшейся за дубовой рощей. Она лежала в постели с пологом, слушала, как за окном переругиваются дворовые девки, и пыталась отогнать тревожное чувство, которое не отпускало её уже третью неделю. Тревога эта была неясной, как запах грозы, что ещё не родилась, но уже висела в воздухе.

Она поднялась, накинула капот, подошла к туалетному столику, где в серебряной рамке стоял портрет матери — той самой, что умерла десять лет назад, оставив её на попечение отца, человека доброго, но бестолкового в делах. Елена коснулась пальцами стекла, и в этот момент в дверь постучала горничная Матрёна, которая служила ещё при бабушке.

— Барышня, вас барин к себе кличет, — пропела она осипшим спросонья голосом. — Сказывал, дело важное.

Елена вздохнула, бросила последний взгляд в зеркало — бледное лицо, глаза серые, с поволокой, волосы русые, заплетённые в косу до пояса. Она не считала себя красивой, но иногда, при свечах, когда тени играли на скулах, она казалась себе похожей на тургеневскую героиню — из тех, что

ждут чуда и сами не верят в него.

Она спустилась по лестнице, скрипнувшей под ногами, и вошла в кабинет отца. Петр Ильич Вознесенский сидел за столом, заваленным бумагами, и хмуро глядел на одно-единственное письмо, которое держал в дрожащей руке. Он был не стар — лет пятидесяти, но морщины на лбу и седина в бакенбардах делали его стариком. В последнее время он осунулся, часто пил чай с ромом и избегал взгляда дочери.

— Садись, Лена, — сказал он, не поднимая головы. — Дело есть.

Она села напротив, сложила руки на коленях, и стала ждать. Отец молчал так долго, что за окном успел прокричать петух во второй раз.

— Ты знаешь, что наше имение почти разорено, — начал он глухо. — Долги растут как грибы после дождя. Я уже не могу платить жалованье дворовым, а скоро и за хлеб нечем будет платить. Соболев, фабрикант этот, предлагает тебе руку и сердце, а заодно обещает все долги закрыть. Ты же его видела на прошлой ярмарке.

Елена вздрогнула, как от пощёчины. Соболев — толстый, с красным носом и масляными глазками, который на прошлой неделе приезжал смотреть лошадей, а сам всё время пялился на неё, как голодный волк на телёнка.

— Отец, я не пойду за Соболева, — сказала она твёрдо, хотя внутри всё похолодело. — Я скорее пойду в монастырь или стану гувернанткой.

— Глупости! — вспыхнул Пётр Ильич, но тут же сник. — Ты думаешь, мне легко? Я не хочу тебя неволить, но другого выхода нет. Впрочем... — он замялся и протянул ей письмо. — Сегодня утром пришла депеша из Петербурга. Некий граф Орлов-Вельяминов просит позволения остановиться у нас на несколько дней. Едет в свои южные имения, но карета сломалась. Он не знаком нам, но род древний, знатный. Я слышал, он бывает при дворе, вращается в высших кругах. Если мы примем его хорошо, может, он поможет с долгами или хотя бы замолвит словечко в банке.

Елена взяла письмо, пробежала глазами витиеватые строки. Подпись: «Граф Михаил Николаевич Орлов-Вельяминов». Почему-то это имя показалось ей знакомым, будто она слышала его во сне. Она подняла глаза на отца, и в её взгляде промелькнула искра надежды.

— Когда он приедет?

— Сегодня к вечеру. Надо подготовить комнаты, устроить ужин, показать, что мы не последние люди в губернии. Ты поможешь?

Елена кивнула, хотя внутри зашевелилось странное любопытство. Что-то подсказывало ей, что этот визит перевернёт её жизнь, но она отогнала эту мысль как суеверный бред.

Она вышла из кабинета и сразу же направилась к Анне Блок, своей лучшей подруге, которая гостила в Горелово уже третью неделю. Анна жила в соседней комнате, и, как обычно, к полудню она ещё нежилась в постели с книгой фран-

цузских стихов.

— Аня, вставай! — воскликнула Елена, распахивая шторы. — У нас гость из Петербурга! Граф!

Анна отбросила книгу и села, кутаясь в одеяло. Она была полной противоположностью Елены: живая, румяная, с каштановыми кудрями и веснушками, которые она тщательно припудривала. Глаза её загорелись, как у кошки, учуявшей мышь.

— Граф? — переспросила она, хлопая ресницами. — Молодой? Красивый? Богатый?

— Понятия не имею. Отец говорит, что он знатного рода. Приедет к вечеру.

Анна выпрыгнула из постели и схватила Елену за руки. — Это же судьба! Такие гости не каждый день заезжают в наше захолустье. Нужно нарядиться, причесаться, быть на высоте. Что у тебя есть из платьев? То голубое с кружевом? Или лучше то, которое в цветочек?

Елена засмеялась — впервые за много дней. В суматохе выборов нарядов, в спорах о том, какие ленты лучше подойдут к корсажу, она почти забыла о своих тревогах. Матрёна принесла выглаженное платье из муслина, Анна накрутила локоны, и уже через час они обе стояли на балконе, глядя на въездную аллею, где пылила дорога.

Солнце клонилось к закату, когда на горизонте показалась чёрная карета с гербом — серебряным орлом, сжимающим в лапах копьё. Кони были вороные, тонконогие, выхоленные.

Кучер, высокий и сухой, как жердь, осадил их у крыльца, и дверца открылась.

Елена затаила дыхание. Из кареты вышел мужчина — высокий, худощавый, но не хрупкий. Он был одет в дорожный сюртук тёмно-зелёного бархата, при хвосте цилиндр, который он снял, ступив на землю. Волосы его были тёмно-русыми, чуть ниже ушей, а глаза — серые, почти стальные — в тот же миг встретились с её взглядом. И Елена почувствовала, как что-то тягучее и холодное пробежало по позвоночнику. Кожа его была бледной, неестественно бледной, как у мраморной статуи, и даже в вечернем свете она не отливала тёплым золотом, как у живых людей. Он не улыбнулся, а только чуть наклонил голову, приветствуя хозяев, и этот жест был исполнен такой старинной грации, что Анна за спиной Елены восхищённо ахнула.

Отец вышел встречать гостя, раскланиваясь и бормоча приветствия. Граф (это был он) назвал себя, извинился за беспокойство, но держался так, как будто сам делал одолжение. Его голос был глуховатым, низким, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который привык, чтобы его слушали.

— Позвольте представить мою дочь Елену, — сказал Пётр Ильич, жестом подзывая её ближе.

Елена сделала шаг вперёд и присела в реверансе. Когда она подняла глаза, граф смотрел на неё в упор, и в этом взгляде было столько боли, столько узнавания, что у неё перехватило дыхание. На мгновение ей показалось, что он сей-

час упадёт на колени и закричит, но он лишь сжал губы и едва заметно поклонился.

— Очень рад знакомству, Елена Петровна, — сказал он тихо, и в этом шёпоте ей послышалось что-то, похожее на молитву.

Она отвела глаза, смутившись, и услышала, как Анна прошептала ей в ухо: «Боже, какой он красивый... у меня сердце бьётся как у птицы».

Ужин был назначен на восемь. В гостиной накрыли стол на десять приборов, хотя присутствовало всего четверо: граф, хозяин дома, Елена и Анна. Свечи горели в серебряных канделябрах, лакеи в белых перчатках разносили суп и жаркое. Елена сидела напротив графа и украдкой наблюдала за ним. Он почти не прикасался к еде — только отодвигал тарелки, делал вид, что пробует, но ни разу не положил в рот ни кусочка. Пил только воду, красное вино, что стояло перед ним, оставалось нетронутым. Ей показалось странным, что гость отказывается от угощения, и она уже хотела заметить это отцу, но Пётр Ильич был слишком занят разговорами о политике и о том, как хороши нынешние урожаи.

Граф отвечал односложно, но когда речь зашла о поэзии, его глаза заблестели. Он заговорил о Блоке, о символистах, о том, что искусство — это мост между миром живых и миром теней. Елена слушала, затаив дыхание. Ей казалось, что он говорит о том, о чём она сама думала, но не могла выразить словами.

— Вы читали Лермонтова, Елена Петровна? — вдруг спросил он, обращаясь прямо к ней.

— Читала, — ответила она, чувствуя, как щёки заливаются румянцем. — Особенно «Демона». Кажется, я знаю его наизусть.

— «И вечностью в объятья наши, и временем в могиле дышим», — процитировал он, и в голосе его послышалась такая тоска, что Анна вздрогнула и уронила вилку.

Елена подняла глаза и случайно взглянула в окно, что было слева от графа. Там, в тёмном стекле, отражался свет свечей, лица сидящих, но графа не было. Она моргнула, подумала, что это игра теней или её воображение, но отражение так и не появилось. Там, где он должен был сидеть, темнела лишь пустая рама. У неё похолодели кончики пальцев, но она заставила себя улыбнуться и перевести взгляд на суп, который давно остыл.

После ужина граф удалился в отведённые ему комнаты — угловую спальню с балконом, выходящим в парк. Елена задержалась в гостиной, делая вид, что помогает горничной убирать посуду, но на самом деле она всё думала об этом странном отсутствии отражения. «Может, стекло было мутным? — убеждала она себя. — Или свет падал так, что отражения не было видно». Но в глубине души она знала, что это ложь. Что-то было не так с этим графом. Что-то нечеловеческое.

Ночью она не могла уснуть. Она лежала в постели, слу-

шая, как скрипят половицы, как ветер гуляет в старой печной трубе. Было уже за полночь, когда ей показалось, что под окном раздались шаги — крадущиеся, лёгкие, как у зверя. Она подкралась к окну, отодвинула занавеску и выглянула в парк. Лунный свет заливал аллеи, серебрил траву и кусты. И среди этой серебряной мглы она увидела тень — высокую, мужскую, которая медленно шла вдоль тенистой аллеи, а потом внезапно растаяла, словно её никогда и не было. Елена прижала ладонь к стеклу, и стекло было ледяным, хотя ночь стояла теплая.

Она вернулась в кровать, но сон не шёл. Она думала о том, как граф смотрел на неё за ужином — как будто видел в ней другую, как будто искал что-то, что он потерял давным-давно. Ей вспомнилась фраза из письма: «Прошу о временном пристанище». Но человек, у которого такие глаза, не нуждается в пристанище — он сам похож на вечность, заблудившуюся во времени.

Наутро она проснулась оттого, что солнечный луч упал ей на лицо. Она открыла глаза и первым делом посмотрела на окно — на подоконнике лежал сухой кленовый лист, пожелтевший и хрупкий. Она взяла его, и на его поверхности, тонкими, будто выжженными иглой, буквами было выведено: «Не бойся».

Елена замерла. Она не знала, кто оставил этот лист — ветер ли принёс, или... или кто-то заходил в её комнату. Она проверила дверь — была заперта изнутри. Окно было закры-

то. Сердце её билось так сильно, что она слышала стук в висках. Она спрятала лист в книгу Лермонтова, и почувствовала странное спокойствие, словно это «Не бойся» было обещанием.

За завтраком она встретилась с Анной. Анна была в восторге.

— Ты видела его? — шептала она, наклоняясь к Елене. — Он такой загадочный! И как он говорил о поэзии... это просто музыка! Я влюбилась, Лена, честное слово. Я обязательно попрошу у него автограф или хотя бы разрешение написать ему письмо.

Елена нахмурилась. Ей не понравился восторг подруги. Внутри зашевелилась ревность, тёмная и острая, хотя она сама не могла объяснить, почему ей так противно слышать эти соловьиные трели.

— Он слишком странный, Аня, — сказала она сухо. — Он ничего не ел за ужином. И он... не отражается в зеркалах.

Анна рассмеялась, звонко и беззаботно.

— Что за глупости! Просто стекло было косое, или свет не так падал. Ты слишком много читаешь Гофмана, Лена. Не выдумывай тайн там, где их нет.

Елена хотела возразить, но в этот момент в столовую вошёл граф. Он был одет по-утреннему — в светлый сюртук, без галстука, с расстёгнутым воротом, что делало его почти домашним, но всё равно чуждым. Он поклонился дамам и обратился к Елене:

— Позвольте ли вы мне прогуляться с вами в саду? Говорят, у вас здесь старая липовая аллея, которой двести лет. Я бы хотел взглянуть на неё.

Она не нашла в себе сил отказать. Они вышли вдвоём, оставив Анну в недоумении и лёгкой обиде. Сад был залит утренним светом, листья на деревьях уже тронула лёгкая желтизна, но трава всё ещё была зелёной. Они шли молча по дорожке, усыпанной гравием, и Елена чувствовала, как его присутствие давит на плечи, как воздух вокруг них становится плотнее и прохладнее.

— Вы не спите ночью, Елена Петровна? — вдруг спросил он, не глядя на неё.

— Почему вы спросили? — удивилась она.

— Я видел ваш свет в окне. Я тоже не сплю. Ночью легче думать. Вы не боитесь темноты?

— Нет, — ответила она, но голос дрогнул. — Раньше боялась, а теперь — нет. Мне кажется, что в темноте всё честнее, чем при свете дня.

Граф остановился и повернулся к ней. Его глаза были как два серых камня, но в них плясало что-то тёплое, почти живое.

— Это правильно, — сказал он. — Темнота не врёт. Она только прячет, но не обманывает. Мы все носим в себе тьму, и тот, кто не боится заглянуть в неё, — тот силен.

Она смотрела на него, и ей казалось, что она видит сквозь время, что этот разговор был уже тысячу раз в прошлых жиз-

нях. Он достал из кармана маленькую книжку в кожаном переплёте и протянул ей.

— Вот. Это стихи Блока. Там есть одно стихотворение, которое я хочу вам прочесть. Оно о том, что любовь и смерть — сёстры, и что вечность начинается с утраты. — Он открыл страницу и прочитал тихо, почти шёпотом:

— «И вечность, бросившая в бездну свой звонкий вызов, как гранит, толкает нас на смертный пир, где каждый — призрак и кумир».

Елена затаила дыхание. Стихи ударили её в самое сердце, потому что она чувствовала их смысл каждой клеткой. Она взяла книгу и прижала её к груди.

— Вы так много знаете о вечности, граф, — сказала она. — Вы веруете в Бога?

Он усмехнулся, но в усмешке не было насмешки.

— Я верю в то, что есть сила больше нас. Но я не знаю, как её назвать. Может быть, любовь. Может быть, страдание. А может быть, просто кровь, которая течёт в жилах и делает нас живыми.

Елена хотела спросить о его прошлом, о той боли, что он носил в глазах, но в этот момент из-за поворота выбежала Анна, запыхавшаяся и покрасневшаяся.

— Лена! — крикнула она. — Твой отец просит тебя вернуться! Приехал Соболев, он что-то хочет обсудить.

Елена вздрогнула, как от удара. Имя Соболева вырвало её из сладкого забытья. Она посмотрела на графа, и в его глазах

мелькнула тень — не то боли, не то гнева.

— Идите, — сказал он спокойно, но голос стал металлическим. — Я подожду здесь. Вы ещё услышите эти стихи до конца.

Она развернулась и побежала к дому, но на бегу обернулась. Граф стоял под старой липой, и листья, падая, кружились вокруг него, как живые. Она видела его силуэт, и ей показалось, что он слишком отчётлив, слишком ярок для этого увядающего сада. И когда она скрылась за дверями, она услышала, как где-то в листве запела птица, но это была не птица — это был человеческий голос, поющий ту самую мелодию, которую она никогда не слышала, но знала наизусть.

В этот день она поняла одно: её жизнь разделилась на «до» и «после», и обратной дороги не было. Граф Орлов-Вельяминов принёс с собой не только тайну, но и судьбу, от которой нельзя отказаться. И она, глядя на кленовый лист, что лежал теперь в книге, прошептала: «Не бойся». И поверила.

Маскарад теней

Подготовка к балу началась за два дня до назначенной даты. Горелово гудело, как растревоженный улей. С утра до ночи по коридорам сновали слуги, тащили корзины с цветами из оранжереи, натирали полы мастикой, вешали новые гардины на окна гостиной — бархатные, бордовые, с золотыми кистями. Отец Елены был возбуждён, как мальчишка. Он распоряжался, кричал на дворовых, дважды менял меню и трижды — расположение столов.

— Это наш звёздный час, Лена! — говорил он, растирая ладони. — Вся губерния узнает, что мы можем принимать гостей не хуже столичных. Граф Орлов-Вельяминов — это не шутка, это фамилия! Если мы ему угодим, он замолвит словечко в Петербурге, и мы заживём по-новому.

Елена слушала его с тоской. Она знала, что настоящая причина суеты — не граф, а долги и угроза продажи имения. Но она не перечила. Ей было всё равно на балы и гостей. Её мысли занимал только он — граф Михаил. С того утра, как он подарил ей книгу Блока и прочитал стихи, она не могла думать ни о чём другом. Каждую ночь она перечитывала эти строки, и каждый раз ей казалось, что она слышит его голос — тихий, чуть хриловатый, с той особенной интонацией, от которой замирало сердце.

Анна, напротив, была в полном восторге. Она бегала по

дому, выбирая ленты и кружева, и не уставала повторять, что этот бал станет главным событием её жизни. Она уже придумала, как будет танцевать с графом, что наденет, какую причёску сделает. Елена смотрела на подругу и чувствовала странную горечь. Ей не хотелось делить графа ни с кем — даже с Анной, которая была ей как сестра.

Наступил день бала — 25 августа, тёплый и ясный. Солнце клонилось к закату, заливая парк охристо-золотым светом. В гостиной уже играл оркестр из уездного города — шесть музыкантов в затасканных фраках, которые старательно выводили полонез. Гости съезжались с трёх часов: помещики из соседних усадеб, чиновники из губернского правления, несколько офицеров из расквартированного неподалёку полка. Было много шума, смеха, звона шпор и шелеста шёлка.

Елена стояла в дверях зала, принимая гостей вместе с отцом. На ней было платье из голубого муслина с серебряным шитьём по подолу и корсажу, перехваченное атласной лентой. Отец настоял на этом наряде — он стоил целое состояние, но, по его словам, «должен был показать, что Вознесенские не хуже других». Анна выбрала розовое — воздушное, как облако, с пышными рукавами и глубоким вырезом, который, по её мнению, привлекал внимание к её достоинствам.

Граф Михаил появился, когда все уже собрались. Он спустился по лестнице в чёрном фраке, белоснежной рубашке и при галстук-бабочке. Его появление встретили лёгким шёпотом — все слышали о знатном госте, но мало кто видел

его вблизи. Елена смотрела, как он идёт, грациозно и в то же время напряжённо, как будто он взвешивал каждый шаг. Его бледность казалась ещё более неестественной при свечах, и когда он проходил мимо зеркальной стены, Елена заметила, что отражение его снова отсутствовало — только пустота там, где должен был быть силуэт. Она быстро отвела глаза, боясь, что кто-то заметит её испуг.

Оркестр заиграл вальс. Михаил подошёл к Елене и низко поклонился, протягивая руку.

— Вы позволите, Елена Петровна?

Она молча вложила свою ладонь в его, и он повёл её в центр залы. Там, среди кружащихся пар, они застыли на мгновение, глядя друг другу в глаза. Музыка ворвалась в тело Елены, и она почувствовала, как Михаил легко, почти невесомо, обхватил её за талию и закружил.

Они танцевали молча. Елена чувствовала, что он ведёт её уверенно, но при этом его пальцы были холодными, даже сквозь перчатку. Она подняла голову и спросила, не в силах сдержать любопытства:

— Вы часто бываете на балах, граф?

— Раньше часто, — ответил он тихо, почти прижимаясь губами к её уху. — Но теперь я редко выхожу в свет. Мир живых утомляет меня.

— Живых? — переспросила она, и в голосе её прозвучала дрожь.

Он улыбнулся — невесело, с горечью.

— Я неудачно выразился. Я хотел сказать, что балы, как и жизнь, слишком быстры для меня. Я привык думать о вечности.

— О вечности? — Елена почувствовала, как сердце заби-лось чаще. — Вы говорите о ней так, будто знаете её лично.

— Так и есть, — сказал он, и его глаза потемнели. — Я знаю вечность. И я знаю, что в ней нет ничего, кроме тос-ки и потерь. Но иногда, — он посмотрел на неё с такой неж-ностью, что она задохнулась, — иногда вечность дарит нам мгновения, которые стоят тысяч лет. Как это.

Она не нашлась, что ответить. Ей казалось, что он видит её насквозь, что он знает о ней больше, чем она сама. Музы-ка стихла, вальс закончился, и он поклонился, поцеловав её руку. В этот момент Елена заметила, что все взгляды в зале обращены не на них, а на входную дверь. Там, в проёме, сто-ял высокий мужчина в форме гвардейского офицера — чёр-ный мундир, золотые эполеты, сабля на боку. Он был так же бледен, как и Михаил, но в его чертах было что-то хищное, опасное. Глаза его, чёрные, как ночь, окинули залу быстрым взглядом и остановились на Елене.

— Господа, — громко произнёс он, нарушая тишину, — прошу простить за вторжение без приглашения. Ваш слуга на воротах сказал, что бал в честь моего дорогого брата. Я не мог пропустить такое событие.

— Брата? — прошептала Анна, стоявшая рядом.

Михаил напрягся. Его лицо осталось бесстрастным, но

Елена почувствовала, как его рука сжала её локоть.

— Дмитрий, — сказал он холодно. — Я не ждал тебя.

— Как же ты мог, братец, — усмехнулся вошедший и двинулся к ним, цокая шпорами. Он остановился перед Еленой и, наклонившись, взял её за подбородок, заставляя посмотреть в глаза. — Ах, как же ты похожа на ту, что сгорела. Те же глаза, тот же изгиб губ. Только моложе. И живее. Пока что.

Елена отшатнулась, но он уже отпустил её, смеясь. В зале повисла напряжённая тишина. Кто-то из гостей закашлялся, кто-то перешёптывался. Отец Елены побледнел и шагнул вперёд.

— Князь Долгорукий, мы рады вашему визиту, но позвольте узнать, что означает ваше появление? — пролепетал он.

— Означает, дорогой Петр Ильич, что я хочу присоединиться к празднику, — князь развёл руками, и в его улыбке мелькнула насмешка. — Вы же не выгоните меня? Я ведь тоже Орлов-Вельяминов, хоть и по другой линии. Мы с братом редко видимся, и я соскучился.

Михаил отпустил Елену и шагнул к брату, загородив её собой.

— Нам нужно поговорить, Дмитрий, — сказал он сквозь зубы. — Сейчас. Идём.

Он схватил князя за локоть и потащил в боковую дверь, ведущую в библиотеку. Елена хотела последовать за ними, но Анна удержала её за руку.

— Не ходи, Лена, это не наши дела, — прошептала она.
— Боже, какой он ужасный! Этот князь... у меня мурашки по коже.

Елена замерла, прислушиваясь к звукам из-за дверей. Сначала голоса были приглушёнными, потом они стали громче, и сквозь дубовые панели прорвался гневный крик Михаила:

— Ты поклялся не приближаться к ней! Ты нарушил слово!

— Какое слово? — раздался смех князя. — Слово, данное мёртвой? Ты думал, я позволю тебе играть в человечность вечно? Она — моя, брат. Как и та, первая. И я заберу её, когда мне вздумается.

Звук удара, затем звон разбитой вазы, и всё стихло. Елена отступила от двери, чувствуя, как дрожат колени. Анна смотрела на неё с испугом.

— Что там происходит? — спросила она.

— Не знаю, — прошептала Елена. — Но мне страшно, Аня. Мне кажется, я попала во что-то, чего не понимаю.

Через несколько минут из библиотеки вышел Михаил. Его фрак был помят, но вид оставался спокойным. Князь Долго-рукий последовал за ним, с невозмутимым лицом, поправляя манжеты.

— Прошу всех продолжать, — сказал князь громко. — Мы с братом просто обсуждали семейные дела. Ничего серьёзного. Я, кстати, заметил, что у вас, Елена Петровна, чу-

десная оранжерея. Вам не составит труда показать мне её?

Елена застыла. Она чувствовала, что это не просьба, а приказ. Михаил шагнул было к ней, но князь быстро встал между ними, загородив его плечом.

— Не бойтесь, — прошептал он ей, наклоняясь. — Я всего лишь хочу сказать вам пару слов наедине. Или вы предпочитаете, чтобы я сделал это при всех?

Елена не знала, что делать. Страх и любопытство боролись в ней. Она взглянула на Михаила — тот стоял недвижимо, сжав кулаки, но в его глазах была мольба: «Не ходи». Но князь уже взял её под руку и повёл через толпу гостей к стеклянной двери, ведущей в оранжерею. Она не сопротивлялась — она не могла, её тело будто онемело.

Оранжерея пахла влажной землёй и тропическими цветами. В полумраке, среди пальм и орхидей, князь остановился, повернулся к ней лицом и убрал улыбку. Теперь в его взгляде была только сталь.

— Слушай меня, девочка, — сказал он тихо, но его голос звучал как приговор. — Я не люблю повторять, поэтому запомни с первого раза. Мой брат — не человек. Он тоже не человек. И то, что ты чувствуешь к нему, — иллюзия. Он ищет в тебе свою старую любовь, но он никогда не сможет дать тебе то, что ты хочешь. Потому что он слаб, он жалеет людей, он носит в себе эту гнусную «доброту». А я — другой. Я сильный. И я могу дать тебе вечность. Не ту, что он предлагает, с ограничениями и правилами, а настоящую, где

ты будешь править. Я хочу тебя, Елена, не как тень, а как женщину. И я не отступлю.

Елена смотрела на него, не в силах произнести ни слова. Он был красив, как чёрная икона, но в его красоте была смерть. Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Я не пойду за вами, — выдавила она. — Я люблю Михаила.

Князь засмеялся — глухо, зло.

— Любишь? Ты даже не знаешь, что такое любовь, глупое дитя. Ты влюбилась в тень, в воспоминание. А я — это реальность. И ты ещё придёшь ко мне. Когда он тебя предаст — а он предаст, потому что он всегда выбирает свою совесть, а не женщину, — ты вспомнишь мои слова.

Он отпустил её руку, поклонился с насмешливой учтивостью и исчез среди пальм. Елена осталась одна, прислонившись к колонне, и чувствуя, как слёзы горячими каплями бегут по щекам. Внезапно она услышала шаги — это был Соболев, фабрикант. Его масляные глазки жадно блестели при свете масляного фонаря.

— Барышня, вы одни? — пропел он, приближаясь. — А я всё искал вас. Хотел сказать, как вы прекрасны сегодня. Вы даже лучше, чем в тот день на ярмарке.

Он протянул руку, чтобы коснуться её плеча. Елена отшатнулась, но он был настойчив — пьян, судя по запаху перегара.

— Не подходите, — сказала она, стараясь, чтобы голос

звучал твёрдо. — Я позову слуг.

— Каких слуг? — усмехнулся Соболев. — Ваш отец сам предложил мне вашу руку. Скоро вы будете моей женой, так что не ломайтесь. Поцелуйте меня, как будущий муж просит.

Он схватил её за талию и прижал к себе. Елена закричала, но звук потонул в шуме оркестра. Она отбивалась, но сила была не на её стороне. И вдруг он застыл, как вкопанный. Его глаза остекленели, руки обвисли, и он начал издавать странные звуки — сначала хрип, потом лай, громкий, собачий лай. Он упал на колени и залаял так пронзительно, что листья на пальмах задрожали.

В дверях стоял Михаил. Его лицо было бледным, как мел, и Елена впервые увидела в его глазах нечто жуткое — красноватый отсвет, который тут же погас.

— Что вы с ним сделали? — прошептала она.

— Научил его уважать женщину, — ответил он и шагнул к ней. — Вы в порядке?

Она хотела кивнуть, но ноги подкосились, и она упала бы, если бы он не подхватил её. Он взял её на руки и вынес из оранжереи, проходя через гостиную, где все замерли, глядя на Соболева, который катался по полу, заливаясь лаем. Никто не знал, что происходит. Кто-то вызвал доктора, но Елена уже не видела этого — она уткнулась лицом в холодный фрак Михаила и плакала, чувствуя, как он несёт её по лестнице в её комнату.

Он уложил её на кровать, и она вцепилась в его руку.

— Останьтесь, — прошептала она. — Я боюсь.

Он сел на край кровати и накрыл её ладонь своей — ледяной, как лёд. Она посмотрела на его руку и заметила на его пальце серебряный перстень с рубином. Её собственное кольцо — маленькое серебряное колечко с бирюзой, подарок матери, — случайно коснулось его запястья, и он резко отдернул руку, будто обжёгшись. На коже выступил красный след, дымящийся, как от ожога.

— Что это? — вскрикнула она.

— Серебро, — ответил он через силу. — Оно причиняет мне боль.

— Почему?

Он не ответил. Он поднялся и отошёл к окну, пряча руку за спиной.

— Спите, Елена Петровна. Завтра я уеду. Так будет лучше.

— Не уезжайте, — прошептала она. — Пожалуйста. Я не хочу оставаться здесь одна, с этим князем, с Соболевым. Вы нужны мне.

Он обернулся, и в лунном свете его лицо казалось высеченным из мрамора. В нём боролись любовь и долг, и он не знал, что победит.

— Я не могу остаться, — сказал он глухо. — Если я останусь, я принесу вам только горе.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Елена лежала в темноте, и сердце её колотилось о рёбра, как птица в клетке.

Она протянула руку к столику, где лежала книга Блока, и нащупала под ней что-то сухое и колючее. Это был цветок — сон-трава, с фиолетовыми лепестками. Рядом лежала записка, написанная тем же тонким почерком, что и на листе: «Не доверяй улыбкам, они прячут клыки».

Елена сжала цветок в ладони, чувствуя, как иголки впи-
ваются в кожу. Она не знала, кто оставил это — Михаил или князь, но она поняла одно: здесь, в этом доме, началась война, в которой она оказалась пешкой или призом. И её жизнь никогда уже не будет прежней.

Через час в дверь тихо постучали. Вошла Анна, бледная и взволнованная.

— Лена, ты не спишь? — спросила она, садясь рядом. — Я всё видела. Что случилось в оранжерее?

— Соболев... он пытался... а граф спас меня. Но потом он ушёл. А князь говорил со мной. Он сказал, что они не люди. Анна нахмурилась.

— Не люди? Что за чушь? Он просто хотел тебя напугать. Но знаешь, что я видела? — она понизила голос до шёпота. — Когда все разошлись, я спустилась в библиотеку, чтобы найти свою шаль. И я видела князя. Он сидел в кресле с чашей — серебряной, как потир. Он пил из неё, и вино было тёмно-красным, как кровь. Но запах... Лена, от него не пахло вином. Там пахло железом и потом, как от свежего мяса. Я не знаю, что это было, но мне стало дурно.

Елена сжала руку Анны. Две девушки сидели в темноте, и

каждая чувствовала, что стены старого дома смыкаются вокруг них, и что тайна, которую они пытаются понять, может их уничтожить.

— Мы должны быть осторожны, Аня, — прошептала Елена. — И мы не должны верить никому. Даже тем, кого любим.

Они обнялись и замерли, прислушиваясь к шорохам ночи. Где-то внизу, в парке, ухал филин, и ветер нёс холод из оранжереи, где ещё лежал на полу Соболев, приходя в себя после колдовского наваждения. А высоко в башне, за запертой дверью, Михаил стоял у раскрытого окна, глядя на луну, и его пальцы всё ещё кровоточили от прикосновения к серебру. Он знал, что его брат не отступится. И он знал, что, когда наступит полночь, он услышит её крик во сне. И не сможет защитить её.

Охота в сумерках

После бала в Горелово воцарилась та особая тишина, которая бывает только после грозы. Гости разъехались, Соболева увезли в город лекари, а князь Долгорукий исчез так же внезапно, как и появился. Но тишина эта была обманчивой, как лёд на весенней реке. Елена чувствовала её каждой клеткой — она висела в воздухе, пряталась в шорохе листьев и в ночных криках птиц. Она почти не выходила из своей комнаты, ссылаясь на головную боль, но на самом деле она боялась столкнуться с Михаилом. После той ночи, когда он сжёг себе руку о её кольцо, она не знала, как смотреть ему в глаза.

Прошло три дня. На четвёртый утром в дверь постучала Матрёна и подала записку, сложенную треугольником. Елена развернула её и узнала почерк — тот же, что был на книге Блока, на кленовом листе, на цветке сон-травы.

«Елена Петровна, завтра я покидаю Горелово. Перед отъездом я хотел бы показать вам одно место — там, где лес встречается с небом. Если вы согласны, жду вас у конюшни в полдень. Возьмите тёплый плащ, осень уже дышит в спину. Михаил».

Она перечитала записку трижды. Сердце колотилось, как у пойманной птицы. Она знала, что не должна идти — ей говорили и разум, и страх после встречи с князем. Но она не могла отказаться. Что-то тянуло её к этому человеку — или

нечеловеку, — сильнее, чем любой страх.

Она оделась просто — амазонка из тёмно-зелёного сукна, высокие сапоги, шляпка с вуалью. Волосы собрала в узел, чтобы не мешали в лесу. Когда она спустилась к конюшне, Михаил уже ждал её, сидя на высоком вороном жеребце. Рядом стояла её лошадь — гнедая кобыла по имени Зорька.

— Вы пришли, — сказал он тихо, и в голосе его звучало облегчение. — Я боялся, что вы откажетесь.

— Я не умею бояться того, чего не знаю, — ответила она, принимая его помощь при посадке. — Но я хочу знать. Вы обещали мне правду.

Он кивнул, и они тронулись в путь. Солнце стояло в зените, но уже чувствовалась осень — в жёлтых листьях, в низком небе, в том особенном запахе увядания, который смешивался с пылью и прелыми травами. Они ехали молча, по полям, потом по лесной дороге, где ветви смыкались над головами, создавая зелёный тоннель. С каждым шагом лес становился гуще и темнее. Здесь, в чаще, даже в полдень царил полумрак.

— Куда мы едем? — спросила Елена, когда дорога совсем исчезла, и они поехали по едва заметной тропе.

— В место, где я могу быть собой, — ответил он, не оборачиваясь. — Место, где нет людей, а только прошлое.

Они выехали на поляну, и там, посреди неё, стояла старая церковь. Она была заброшена: купол обвалился, стены покрылись мхом, двери висели на одной петле. Крест на ко-

локольные покосился, и в его тени гнездились вороны. Но в этом разрушении было что-то величественное, как в старом памятнике, который не даёт забыть о былом.

— Это Боголюбовская пустынь, — сказал Михаил, спешиваясь. — Здесь сто лет назад жили монахи, но потом обитель опустела. И теперь здесь только ветер и мы.

Они привязали лошадей к старой берёзе и вошли внутрь. В церкви пахло сыростью, тлением и воском — старым, давно оплавившимся. Солнечные лучи пробивались через выбитые окна и падали на пол, высвечивая пыль, которая танцевала в воздухе. На стенах, там, где штукатурка обвалилась, виднелись фрески — тёмные, почти чёрные лики святых, но между ними, на боковой стене, Елена увидела нечто иное: фреску, изображающую существо с клыками, которое пило из чаши кровь.

— Что это? — прошептала она, указывая на стену.

Михаил подошёл и встал рядом.

— Это то, что я должен вам рассказать, — сказал он. — Вы уже догадались, что я не обычный человек. Но я не чудовище, хотя многие думают иначе. Мы называем себя «белыми». Мы — те, кто пьёт кровь, но не убивает, кто питается только животной кровью или добровольной кровью тех, кто готов пожертвовать. Мы охраняем людей от настоящей тьмы — от тех, кто называет себя «красными». Мой брат, Дмитрий, один из них. Он хочет поработить людей, превратить их в стадо. Я же пытаюсь сохранить баланс. Я живу так уже

двести лет, и за это время я не убил ни одного человека по своей воле.

Елена смотрела на него, и страха не было — только изумление. Она думала о том, как он не отражался в зеркалах, как обжёгся о её кольцо, как не ел за ужином. Всё встало на свои места, но вместо ужаса она почувствовала странное облегчение — она наконец знала правду.

— Вы... вампир, — произнесла она, и слово прозвучало в пустом храме как выстрел.

— Мы не любим это слово, но да, оно точное, — ответил он с горькой усмешкой. — Я не прошу вас любить меня. Я прошу только понять. И я должен уехать, чтобы защитить вас. Пока я рядом, мой брат не оставит вас в покое.

Она сделала шаг к нему, и в этот момент её нога зацепилась за выступающий камень. Она потеряла равновесие и упала, выставив вперёд руки. Острая щепка от старого иконостаса впиалась ей в ладонь. Она вскрикнула — боль была острой, и из раны потекла тёплая кровь, капая на пыльный пол.

Михаил в мгновение ока оказался рядом, опустился на колени и взял её руку. Он смотрел на кровь с мукой — в его глазах боролись голод и нежность.

— Позвольте мне, — прошептал он. — Я могу остановить кровь.

Он наклонился и коснулся губами её раны. Елена почувствовала, как его язык провёл по коже, и боль утихла, а по-

том исчезла совсем. Он поднял голову, и их взгляды встретились. Она видела, как он борется с собой, как его зрачки расширяются и сужаются. И тогда она сама потянулась к нему и поцеловала его — впервые по своей воле, не боясь, не думая.

Их первый поцелуй был горьким — на вкус железа, крови и слёз. Он длился несколько секунд, но для Елены они стали вечностью. Она чувствовала, как он дрожит, как его пальцы сжимают её плечи, но потом он отстранился резко, почти грубо, и отступил на шаг.

— Не надо, — сказал он хрипло. — Я не имею права.

— Почему? — выдохнула она. — Я люблю вас, Михаил.

Он хотел ответить, но в этот момент снаружи раздался топот копыт и грубый смех. В дверях церкви появились три фигуры — впереди князь Долгорукий, а за ним двое его спутников, с красными повязками на рукавах. Они тащили за собой оборванного крестьянина — седого, трясущегося старика, который умолял о пощаде.

— О, как трогательно, — пропел Долгорукий, входя в церковь. — Первая любовь, исповедь в храме, кровь и поцелуй. Братец, ты меня разочаровываешь. Ты обещал держаться подальше от неё, а сам устроил тут свидание.

— Дмитрий, отпусти человека, — сказал Михаил, выпрямляясь и заслоня собой Елену.

— Этого? — князь ткнул пальцем в крестьянина. — Этот старик украл у меня хлеб. Или он колдун. Или то и другое. Я решу, как наказать его. Но сейчас меня интересует она, —

он перевёл взгляд на Елену, и его улыбка стала хищной. — Ты думаешь, что любишь его, девочка? Но ты не знаешь, кто он на самом деле. Он слаб. Он боится своей сущности. А я — нет.

Он сделал шаг вперёд, и Елена поняла, что они в ловушке. Двое его спутников блокировали выход, а сам князь приблизился к ней. Она попятилась, но он двигался быстрее. Он схватил её за плечи и притянул к себе, а затем — быстро, как змея — вонзил свои клыки в её шею. Она почувствовала острую боль, жжение, и мир начал расплываться перед глазами.

— Что ты делаешь! — закричал Михаил, бросаясь на брата. Но Долгорукий оттолкнул его одной рукой, как нашкодившего щенка.

— Всего лишь оставляю свою метку, — сказал он, отрываясь от шеи Елены. — Теперь она часть игры, брат. И ты не сможешь её защитить, потому что она моя. По крайней мере, на время.

Елена пошатнулась, чувствуя, как силы покидают её. Она видела, как Михаил пытается напасть, но Долгорукий сбил его с ног ударом, от которого содрогнулись стены. Крестьянин тем временем вырвался и убежал в лес, но князь даже не взглянул на него — его взгляд был прикован к Елене, которая медленно оседала на пол.

— Ты дал ей свою кровь? — спросил Долгорукий, поворачиваясь к брату. — Похоже, да. Это делает её восприим-

чивой. Но она не станет вампиром, пока я не позволю. Или пока ты не решишься. И мы оба знаем, что ты никогда не решишься. Слишком боишься повторить свою ошибку.

Михаил поднялся с колен, на его лице выступили красные прожилки — он был в ярости.

— Если ты тронешь её ещё раз, я убью тебя, Дмитрий. Клянусь.

— О, попробуй, — усмехнулся князь. — Но ты слабее меня, брат, и ты это знаешь.

Он щёлкнул пальцами, и его спутники вышли из церкви. Долгорукий склонился к Елене, которая была без сознания, и прошептал ей на ухо: «Скоро ты поймёшь, кто из нас прав. И тогда ты сама придёшь ко мне».

Он развернулся и вышел, оставив за собой запах серы и крови. Михаил упал на колени рядом с Еленой, взял её на руки и прижал к себе. Она была холодной и бледной, но дыхание было ровным — жива.

— Прости меня, — прошептал он, целуя её лоб. — Я не должен был приводить тебя сюда. Я не должен был позволять ему прикоснуться к тебе.

Он поднялся, держа её на руках, и вынес из церкви. Снаружи уже смеркалось, и лес наполнился тенями. Лошади нетерпеливо били копытами — они чувствовали кровь. Михаил усадил Елену на свою лошадь, сел позади, прижал её к груди и поскакал обратно к усадьбе. Всю дорогу он шептал ей одно и то же: «Держись, я не дам тебе умереть. Я не по-

теряю тебя снова».

Она не слышала его. Она была в глубоком обмороке, и ей снились странные сны — пожары, театр, женский крик и лицо Агафьи, той, что была до неё. Она видела, как она умирает в руках Михаила, и слышала тот же голос, что и он: «Ты обещал мне вечность, а дал только смерть». Елена проснулась только когда они уже въезжали в ворота Горелова, и первое, что она увидела, было лицо Анны — испуганное, заплаканное.

— Господи, что с ней случилось? — закричала Анна. — Она вся в крови!

— Это не её кровь, — сказал Михаил, хотя это была и её кровь тоже. — Это от ранения. Она упала в лесу.

Он нёс её в дом, а Анна бежала рядом, пытаясь помочь. В передней собрались слуги, но Михаил отправил всех прочь. Он поднялся в её комнату, уложил её на кровать, и, когда они остались вдвоём, он упал на колени у изголовья и зарыдал — впервые за столетия. Он не мог спасти её, потому что его брат был сильнее, и потому что он сам был слабее своего проклятия.

Елена открыла глаза и посмотрела на него. Её взгляд был мутным, но она узнала его.

— Михаил... — прошептала она. — Не бросайте меня.

— Я здесь, — сказал он, беря её руку в свою. — Я не уйду. Я буду с тобой, пока ты не поправишься.

Она слабо улыбнулась и снова закрыла глаза. Михаил си-

дел у её постели всю ночь, не смыкая век. Он смотрел на раны на её шее — на две маленькие точки, которые уже начали затягиваться, но которые оставили след, который никогда не исчезнет. Он знал, что его брат оставил не просто укус. Он оставил семя, которое будет прорасти в ней, и когда-нибудь она почувствует голод, который не сможет утолить. И тогда она должна будет выбрать — стать чудовищем или умереть.

На рассвете он тихо вышел из комнаты, и в коридоре столкнулся с Анной, которая не спала и ждала его.

— Граф, я должна вам сказать, — начала она дрожащим голосом. — Я нашла в вашей комнате старый дневник... Я не хотела, но я прочитала. И я знаю теперь, кто вы. И я... я не боюсь, но я должна понять, что вы сделаете с Леной.

Михаил посмотрел на неё с печалью и усталостью.

— Я спасу её, — ответил он. — Даже если это будет стоить мне жизни.

Анна хотела ещё что-то спросить, но он уже ушёл вниз, оставляя её одну в утреннем свете, который пробивался сквозь высокие окна. Где-то в лесу завыл волк — или это был не волк, а что-то другое. И Анна впервые в жизни поняла, что мир, который она знала, был всего лишь тонкой плёнкой над бездной, в которую можно провалиться в любой миг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.